

Олег Браво

*Записки
менеджера
низшего звена*

*Солдатам и
матросам бизнеса*

Олег Браво

**Записки менеджера
низшего звена. Солдатам
и матросам бизнеса**

«Издательские решения»

Браво О. М.

Записки менеджера низшего звена. Солдатам и матросам бизнеса /
О. М. Браво — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857208-1

...Ты работаешь в офисе! Пусть в самом низу пищевой пирамиды.
Но уверенной поступью идешь по дну кризиса. А вокруг творится настоящий
бедлам. Мужеподобная начальница рвет и мечет! Не щадя живота своего,
старается усидеть на шатающемся кресле. Голодные коллеги едят даже
полиэтилен и обливают шефа борщом. Боевики взрывают пакет кефира.
Поставщики строчат доносы. А перевозчик отчаянно сражается с поносом!
Но ты прорвёшься! Ведь «тебе повезло, ты не такой как все...»Офисному
планктону посвящается.

ISBN 978-5-44-857208-1

© Браво О. М.
© Издательские решения

Содержание

1. Вместо пролога	6
2. Будьте мужиками!	7
3. Турбо-Мэн	8
4. Понеслось!	10
5. Из письма Дэну	11
6. Братья по оружию	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Записки менеджера низшего звена Солдатам и матросам бизнеса

Олег Маргаритович Браво

Настоящий менеджер проекта – это такая эпическая фигура с кнутом в правой руке, пряником в левой и оголенным навазелиненным задом. Кнутом он погоняет нерадивых подчиненных, в зад его имеет начальник, а пряник жрет он сам.

Из народного фольклора.

За меня ещё никто и никогда не бил никому морду! Всё сама... всё сама.

Анекдот.

Описываемые события никогда не происходили в действительности. Все совпадения случайны. Имена и названия умышленно изменены. Отождествляющие себя с действующими лицами читатели, делают это добровольно и под свою ответственность, что безусловно свидетельствует о высоком уровне их самокритики.

© Олег Маргаритович Браво, 2017

ISBN 978-5-4485-7208-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Вместо пролога

Весной обстановка в отделе накалилась до предела. Контору лихорадило в преддверии кризиса и Барину здорово крутили хвост, секвестрируя бюджет, требуя увеличения эффективности и снижения поголовья. С трудом вынашивая план оптимизации, Барин испытывал сильнейший токсикоз и бесновался как Кинг-Конг. Пока ничего существенного он предложить не мог и на нервяке цеплялся к мелочам, повергая многочисленных подчинённых в своем внешнеэкономическом отделе в шок и трепет.

Очередным козлом отпущения был избран Бесо. Барин драл его в хвост и в гриву. И наш мингрельский юноша без устали строчил объяснительные записки на самые разные темы. При этом наезды непосредственного начальника потомок Мцъри переносил стоически, «засунув свои эмоции в задницу», как и учил Барин. «Но все не унималась старуха» и наезжала пуще прежнего.

Дошло до того, что бедняга вынужден был написать объяснительную «с анализом сезонности отпусков менеджера Бесо», когда вдруг решил взять тайм-аут и перевести дух.

Накануне он подал челобитную, в которой просил отпустить себя в недельное турне по Золотому Кольцу: кухня – диван – телевизор – спорт-бар. Барин тут же затребовал полный график отпусков и с изумлением обнаружил, что генацвале собрался халявить еще в июле и октябре. Он пришел в сильное возбуждение и взревел о том, что Бесо потерял совесть, раз берет весь свой отпуск в летние месяцы, когда вся фирма пашет не разгибаясь.

– Октябрь – это ведь уже не лето, – не очень убедительно вставил Бесо. – Тем более что я беру всего лишь по одной неделе.

– Октябрь тоже не самый плохой в Грузии месяц! Значит летний! – неистовствовал Барин, почему-то решив, что сын Колхиды, намылился на родину. – К тому же ты недавно отдохнул в новогодние каникулы.

«...И должен чувствовать себя бодрячком!» – мысленно вставил я, сочувствуя своему приятелю.

Бесо принялся бодриться в своем углу молча и не стал будить зверя, напоминая о том, что Барин вырвал его из каникул уже на третий день, сыграв ложную тревогу. Бедняга неделю просидел в вымершем офисе один, как перст, ожидая так и не начавшийся аврал. Он вообще никогда не перечил.

Исторгнув двухстраничный «анализ сезонности», Бесо покорно перекинул отпуск на ноябрь. Но Барин не дал роздыха его бойкому перу, и практически нон-стоп последовала записка «Почему перед уходом с работы я не выключил компьютер начальника отдела!?!». В силу абсурдности происходящего, Бесо предался в ней отчаянному самобичеванию, что привело Барина в особое бешенство.

Обстановка накалялась не на шутку и скоро должны были полететь головы.

2. Будьте мужиками!

Бесо был улыбочивым невысоким парнем с прической «мелкий бес». Скромный и тихий на работе, он преображался при виде женского пола и умел добиться взаимности в кратчайшие сроки. При этом был требователен к внешним формам претенденток, придирчиво оценивая их по десятибалльной шкале Рихтера. Собственно формы Бесо описывал мне, используя грузинский язык, благодаря чему я уже мог бы не чувствовать себя дураком на уроке анатомии в Тбилисской школе.

Бесо уверял меня, что грузины были предками испанцев, особенно каталонцев, потому считал себя наполовину испанцем тоже. Он спал под одеялом с эмблемой футбольного клуба «Барселона» и виртуозно владел испанской нецензурной лексикой. При этом, в минуты отчаяния он обильно разбавлял ее грузинской, неожиданно вкрапляя редкие русские слова для связки. В основном предлоги и местоимения. По вечерам он часто задерживался в отделе, чтобы позвонить родным в Телави за счет конторы и иногда, возможно, попадал в Тель-Авив.

За годы работы я очень сдружился с Бесо. Мы часто совершали совместные вылазки во вне рабочее время. Он умудрился даже вытащить меня в Москву, чтобы увидеть как «Барселона» терзала «Локомотив», хотя я не любил спортивные состязания. Мы сидели в фанатском секторе, размахивали красно-синими шарфами, вдыхали вонючий дым сигар расовых испанцев и в едином порыве орали: «Visca el Barça i Visca Catalunya!»

Барин гонял нашего грузиноиспанца, как вшивого по бане, а заодно и меня, когда того не оказывалось под рукой: вымыть кружки за гостями, набрать воды в чайник, отскерить документы, отправить факс и все такое. В такие моменты я начинал сомневаться, что мы – менеджеры по импорту. В редкие минуты затишья в неформальной обстановке за чашкой вискаря Барин все же мог проявить отеческие чувства и пожелать нам бодрости. Как например в финале одной из посиделок, когда наш отдел отмечал 23 февраля.

Мы сидели прямо в кабинете, собравшись за столом Турбо-Мэна, на котором в окружении сухомятки возвышалась трехлитровая качалка «Джонни Уокера». Девчонки пили шампанское, Барин с «мужиками» (как он говорил) – виски. Потому как будучи зрелой дамой, он уже предпочитал мужские напитки. В процессе их употребления у него, как и у Турбо-Мэна, возникало желание поучить жизни молодняк на правах умудренных опытом аксакалов. Такого рода поучения обычно имели форму тостов.

Все, наконец, решили выпить на посошок, когда порядком захмелевший Барин взял слово. Он поднялся и произнес поздравительный тост от имени женской половины отдела, обращаясь в основном ко мне и Бесо. Суть его сводилась к тому, что мужчинам необходимо иметь твердый характер. Резюмируя свою пространную речь, Барин приблизил чарку к первому из трех подбородков и провозгласил: «Мужики! Будьте мужиками!». Затем опрокинул стопку в рот, грузно развернул свой массивный корпус и, бросив нам с Бесо через плечо: «Уберите здесь все!», двинулся к своим галошам. Девчонки, и остальные чествуемые потянулись за ним, поняв что, дежурные по камбузу сегодня уже назначены. А мы с Бесо принялись за уборку, засучив рукава, как настоящие мужики.

3. Турбо-Мэн

Старейшина нашего отдела Турбо-Мэн в тот период пребывал в режиме расслабона невзирая на творившийся вокруг беспредел. Он восседал за своим девственно-пустым столом в центре кабинета и предавался самосозерцанию. Его долговязая фигура, увенчанная ежиком седеющих волос, торчала как ярмарочный столб, а худые длинные руки с крупными пятернями покоились на столе. Иногда они вдруг начинали выстукивать «ча-ча-ча» по затертому зеленому ежедневнику. Тогда Турбо-Мэн раскрывал его на нужной странице и ненадолго углублялся в чтение, затем брал телефонную трубку и начинал длинный громкий ничего незначащий разговор, в конце которого вдруг между делом на краткий миг всплывала самая суть.

Прикормив нужных контрагентов и наладив работу таким образом, что разобраться в ней мог только сам, он чувствовал себя в безопасности. Все вертелось практически автономно. Нужно было лишь вовремя вбрасывать в топку емкие порции бабла. А изредка набегающие, подобно бризу, необременительные геморы, Турбо решал легким движением скрюченного среднего пальца, которым нажимал клавиши телефона. При этом он громко посмеивался в телефонную трубку, делая пометки в старом добром ежедневнике. Происходящее вокруг избиение младенцев его не касалось. Возможно, Турбо-Мэн даже считал это внезапным курсом молодого бойца. Ведь он, ветеран внешнеэкономической деятельности, поднявшийся из самых ее низов, раньше не раз смотрел в лицо опасности в рамках индивидуального предпринимательства.

Начав лихим «челноком», Турбо-Мэн закалял характер в горниле девяностых, затем перебрасывал через линию фронта контрафактный спирт и товары первой необходимости, пока жажда натурализации не подтолкнула его в объятия Барина. Тот как раз вербовал бойцов во внешнеэкономический отдел молодой фирмы. Барин прекрасно находил общий язык с интуристами, жаждущими поставлять к нам свои товары, но загадочная русская душа таможенника была для него непостижима, поэтому он тыкался в разные приграничные инстанции, как слепое млекопитающее, безуспешно пытаясь наладить импорт стройматериалов и мечтал заполучить себе в помощники такого отчаянного головореза.

О своих доблестях Турбо-Мэн любил сочно напомнить в компании «Джонни Уокера»: «Знаешь, сколько меня мордой об стол били, когда я начинал работать с таможней? – слегка захмелев, склонялся ко мне Турбо-Мэн. – Я ведь все сам. Все сам. Никто ничего не объяснял. Не помогал. Только и норовили на деньги кинуть. Сколько я своих кровных отстегнул за эту науку!»

Барин в такие минуты начинал многозначительно кивать и вбрасывать одобряющие междометия. Поймав нужную волну, он властно требовал «освежить» содержимое рюмок, и веско напоминал, о том, что они вдвоем с Турбо-Мэном стояли у истоков.

Турбо-Мэн по натуре был деятельным, жизнерадостным и общительным. Но с тех пор, как Барин утратил психическую стабильность, выбирая жертвы для увольнения, он перешел в режим энергосбережения и выплескивал энергию за пределами рабочего кабинета.

Как-то Турбо-Мэн продемонстрировал завидную живучесть после жестокого кутежа, который сотрясал корпоративную базу отдыха выходные напролет. В то время когда его коллеги в два раза младше лежали пластом на песке, морщась от лучей утреннего солнца, Турбо-Мэн умудрился развить бешеную активность.

Появившись на берегу озера в полдень, он обрызгал спящий тут молодняк, обозвал всех инфантильными, скинул одежду и с гиканьем бросился в ледяную воду. Минуту спустя он баттерфляем нагнал идущую малым ходом моторку, груженную алкоголем и прочими рыбацкими снастями. Лихо закинув в нее свои похожие на циркуль ноги, он взошел на борт и триумфально вскинул руку с бутылкой огненной воды. Затем еще долго над озером носился его хриплый торжествующий голос, пугая уток и возмущая рыбаков.

Вечером катер доставил Турбо-Мэна прямо к бане, где он принялся нещадно драть веником всех подряд, до одури поддавая кипятком на камни. Он так же успевал подкидывать дрова в печь с такой интенсивностью, что в какой-то момент мне показалось, будто баня сейчас взлетит на воздух или паровозом помчит вперед. В перерывах он утолял жажду пивом и бросался неглиже в хладную речную стремнину.

День клонился к закату, но Турбо-Мэн был неутомим. И к ночи его активность лишь возросла, особенно когда судьба подкинула ему проблем: сначала он битый час искал трусы по всей базе, но едва смирившись с их безвозвратной утратой, он тут же обнаружил севший аккумулятор своего авто. Что было немудрено, поскольку его аудиосистема отапливала шансоном всю округу выходные напролет. Подобные события, происходящие в два часа ночи в воскресенье, могут подкосить кого угодно, но только не Турбо-Мэна!

Отперев дверь при помощи линейки, он мигом организовал самых крепких волонтеров, которые тридцать минут толкали машину по всей деревне взад и вперед, и в принципе могли бы уже дотолкать ее до города. Но мотор, к счастью, ожил.

В девять утра Турбо-Мэн сидел за своим рабочим столом, как огурчик, и попивал «Боржоми».

4. Понеслось!

На роль своего зама Барин внезапно определил меня. Посему я регулярно подвергался накачкам, которые завершались задачей с кем-то разобраться и передать импульс по цепи.

– Посмотри, что он пишет! – визгливо ревел Барин в сильнейшем аффекте и его огромный организм выполнял функцию резонатора. – Он же издевается надо мной!

При этом он тыкал мне в лицо чью-то объяснительную записку. Затем я вынужден был приглашать виновника в экзекутарий, где тот подвергался показательной порке.

В общем, понеслось! Первым прошел по доске расовый прибалт Дэн за то, что генетически был не способен демонстрировать яростную решимость и горящие глаза, так необходимые в кризисные времена. Вскоре после этого Бесо в сжатые сроки выпустил в свет серию объяснительных записок и, исписавшись, слился под звуки «Чито-Гврито». Следом отлетел страдающий диатезом Диментий. За ним очередной новенький получил пинок под зад в разгар испытательного срока. Хотя его место тут же занял свежий кандидат.

К слову сказать, кастинг в отдел не прекращался никогда, поскольку Барин стремился владеть большим количеством душ и заодно держать нас в тонусе. Даже в эти смутные времена испытываемые шли табуном. Я тестировал их пачками и выдавал Барину заключения об их квалификации.

5. Из письма Дэну

«Прошло две недели с твоего ухода. Народу осталось мало. Барин с гортанным рыком обвел кровожадным взглядом жалкие останки отдела, выискивая очередную жертву. Те сиротливо жались по углам, скользя дрожащими конечностями по окровавленному полу. Его свирепые глаза, вращались за толстыми линзами очков. Вдруг они остановились на расслабленной долговязой фигуре в центре зала. Это был прославленный Турбо-Мэн, основоположник внешнеэкономической деятельности в нашей конторе. «Герой гражданской войны и легендарный комдив», мысли которого в ту минуту витали над изумрудной гладью Лазурки, откуда его брэнная плоть возвратилась совсем недавно. Турбо-Мэн медитировал, ощущая себя в полной безопасности еще и потому, что выступал в роли Дающего, руку которого Барин вдруг решил отхватить по самое горло.

И вот, Барин одним прыжком преодолев разделяющее их расстояние, вонзил в Турбо свои саблезубы и крюко-когти. Но Турбо-Мэн был не простой смертный, а настоящий супергерой. Хоть и предпенсионного возраста. И по сему, на удивление быстро оправившись от первого удара, он с ловкостью Бамблби принял боевую стойку. Затем началась великая и ужасная битва титанов.

Планктон жался по углам, отчаянно симулируя обморок, и демонстрировал чудеса мимикрии. Куски плоти летели в разные стороны, стоял скрежет зубовный и чудовищный рев эхом метался по коридору.

Хоть и страшен был Барин в той битве, но и Турбо-Мэн отбивался отчаянно, как настоящий самурай. Однако силы его убывали, подводила дыхалка, и слабел он под наседающей массой. Все чаще выбегал курить, а по утрам приходил несвежим. Трагическая развязка была не за горами.

И тут я ушел в отпуск. В секунды затишья протолкнул челобитную и был таков. Уехал на море с твердым решением написать заявление об уходе в первый же день после возвращения, потому как после легко прогнозируемой гибели Турбо, в череде жертв очередь была моя. В тот момент я даже не подозревал, какие удивительные события готовит мне судьба, чтобы в очередной раз выказать собственную непредсказуемость.

Положенные рядовому менеджеру две недели промелькнули, обдав ароматами моря, солнца и шашлыка. А двое суток в вагоне поезда показались даже длиннее, чем сам отпуск.

Когда я вернулся в отдел, то удивительная идиллия представилась моему изумленному взору: зеленые холмы с белыми овечками, голубое небо, уютные хижины, тихая песня, льющаяся над неторопливой рекой... И лишь поросшие бурьяном пепелища, да отдаленные всполохи на горизонте с затихающими раскатами далекого грома напоминали о чудовищном прошлом этой маленькой страны.

Турбо-Мэн словно грелся на завалинке, жмурясь на ласковое июльское солнце, и непридуманно общался с кем-то по мобиле. Кроме него война пощадила лишь стажера Максимку, который задорно осваивал бесхозные просторы, трудолюбивым плугом вспахивая наливающуюся урожаем землю. В остальном же наш кабинет был густо населен новыми обитателями из Отдела Маркетинга.

Барина и след простыл, а на том месте, где некогда возвышался его трон, теперь чьей-то заботливой рукой были разложены мои (!) собственные вещи. Девчонок же наших раскидала война по закоулкам других отделов. И я пожалел о том, что старина-Бесо не дотянул до счастливых деньков.

В общем, зажили мы с Максимкой под началом Турбо-Мэна по-человечески. Работа спорилась, и жизнь начала налаживаться. В тот момент я был уверен, что черная полоса миновала

и адово пламя осталось далеко позади. Но я и не подозревал, как быстро оно сократит дистанцию до моей пятой точки».

6. Братья по оружию

А пока это были отличные дни. Каждый четко понимал, что ему делать и за что он отвечает. Спокойная, слаженная (наконец-то не от слова «лажа») работа. Без истерик, припадков и взмыленных шей.

На какое-то время мы даже ощутили себя командой. Причем, скорее всего бобслеистов. Разгоняющими были мы с Максимкой, а Турбо-Мэн уверенно восседал в капсуле и делал вид, что рулит. Он перманентно пребывал в «местных командировках», скоростно отстраивая дачу в Юкках, и решал жилищные вопросы двух стремительно созревающих дочерей. Я занимался всей текучкой и был официально произведен в заместители начальника отдела. А Максимка наконец получил возможность в спокойной обстановке прикоснуться к внешнеэкономической деятельности, выполняя более серьезные задачи, нежели ксерокопирование, отправка корреспонденции и приготовление кофе. Только теперь он смог обустроиться на полноценном рабочем месте. Ведь до войны Макс ютился за чайным столиком, который целиком занимал факс. Причем сидеть он вынужден был лицом к стене и барский рык бил его в затылок, как паровой молот. В таком противоестественном положении Максимку поначалу заставлял врасплох любой барский припадок, поскольку он не имел физической возможности отследить сгущающиеся на челе Барина тучи. Я предлагал ему повесить на стену зеркало заднего вида. Но парень довольно быстро превратился в летчика-истребителя, каждые сорок секунд оглядываясь назад. «...Ну, где же он, мой ведомый?» – набатом звучало в его голове. Поначалу конечно шея у Макса болела, но вскоре ее подвижность значительно возросла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.